
**ЛОЗУНГИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ
РАННЕГО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
(ПО ПИСЬМАМ В РЕДАКЦИЮ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ» 1924–1925 ГГ.)**

В.И. Ким

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассматривается проникновение политических лозунгов в массы под влиянием пропаганды и агитации со стороны власти и органов печати в условиях НЭПа. Анализ данного вопроса позволяет понять механизм обратной связи в диалоге «власть–общество» на примере того, как массы воспринимали новые языковые константы и перемены, которые им предлагала власть.

Ключевые слова: власть, общество, НЭП, «письма во власть», лозунги, социализм, мировая революция, пролетариат.

Введение

Обоснование темы. Вся совокупность процессов, протекавших в советском обществе 1920-х гг., является тем базисом, на котором необходимо строить понимание его последующей истории. После революции и гражданской войны повседневность советского общества была пронизана политическим духом, который вызвал «восстание масс» и использование *политического* языка как в рамках естественных для этого сферах, так и ранее не включенных в них. Ввиду данного условия представляется перспективным изучения писем как части политической повседневности советского общества периода НЭПа.

Одним из основных элементов в письмах советских граждан в вышестоящие органы становится использование лозунгов. Научное осмысление их места и роли в языковой культуре тех лет является ключом к пониманию проявления ментальных установок в «эпоху послереволюционных перемен», которые, эволюционировав в советское и постсоветское время, как ни парадоксально, отчасти ощущаются и сегодня.

Обзор литературы. Анализ писем советских граждан в газеты начался еще в 1920-е гг. Внимание исследователей было сфокусировано прежде всего на письмах в газету «Беднота», «Крестьянскую газету», местные газеты европейской части страны [1]. Среди такого рода исследований выделяются труды Я. Шафира, который комплексно изучал обыденное сознание и куль-

турный уровень селян, их политические воззрения, отношение к социалистическим преобразованиям, к деятельности центральных и местных органов власти в условиях НЭПа [2].

К настоящему времени историография проблем взаимодействия «власть–общество» и общественного сознания периода НЭПа обширна [3]. Имеются не только специальные историографические труды, но и крупные источниковедческие и методологические работы по данной проблематике [4]. При этом следует признать, что политическая история раннего советского периода в значительной степени находится в стадии переосмысления [5]. В этой связи разрабатываются новейшие принципы и оригинальные технологии анализа исторической информации как нарративных, так и статистических источников [6].

Разнообразие аспектов для нового подхода в изучении политической истории велико: новая политическая история, политическая ментальность, политическая антропология, политическая повседневность [7]. Ввиду методологического плюрализма, а также относительной новизны этой методологии в изучении прошлого нашей страны многие темы (включая проблемы истории советского общества 1920-х гг.) еще ждут своих исследователей так же, как и изучения их с новых методологических позиций.

Между тем уже очевидны прорывные темы и появившееся научные разработки в этой связи. Так, С.Ф. Гребениченко новаторски поднял проблему властного воздействия на политическую психологию населения в 1920-е гг. [8]. В свою очередь, Т.П. Миронова, мобилизовав письма в газеты «Правда», «Социалистическое земледелие», «Крестьянская газета» 1927–1932 гг., обратилась к антиколхозной агитации и слухам как психологической форме политического сопротивления крестьянства [9]. А.В. Двойных осмыслил роль лозунгов в программах крестьянского повстанчества [10].

Важны с теоретической точки зрения интересны наработки Л.В. Ениной по проблеме политических лозунгов как сверхтекста [11]. Л.В. Лютов подверг скрупулезному анализу взаимодействие власти и общества в годы НЭПа через призму настроений провинции [12].

Речевому жанру писем читателей в эмигрантские и советские газеты 1920-х гг. посвятила свою диссертацию Е.А. Никишина [13]. С новых методологических позиций к анализу писем в редакцию «Крестьянской газеты» обратились М.В. Каиль и О.В. Кобец [14].

Однако письма в редакцию очень популярной в 1920-е гг. «Рабочей газеты» к настоящему времени оказались вне поля исследовательского внимания (за исключением работы А.Я. Лившина [15]), что и вызвало наш интерес в контексте изучения лозунговости в политическом языке общества периода НЭПа.

Цель и задачи. Целью статьи является выявление степени проникновения лозунгов в массы советского народа. Задачами исследования является изучение того, насколько пропаганда и агитация печатных органов Советской

России была действенна на уровне усвоения рабочими массами, а также выявление и определение механизма обратной связи в диалоге «власть–общество» на примере «писем во власть».

Исследование проблемы

Источниковой базой исследования являются неопубликованные письма советских граждан в редакцию «Рабочей газеты» за период 1924–1925 гг., впервые мобилизованные автором в архивах.

«Письма во власть». Одним из главных плюсов при изучении писем как исторического источника (и фонда писем в редакцию «Рабочей газеты» в частности) является возможность изучать источники с позиций социологической выборки (случайной выборки респондентов).

Очевидно, что письма в наибольшей степени приближают исследователей к пониманию менталитета населения и его изменений в различных общественных слоях общества. Письма являются источником личного происхождения, в котором сокрыты слабоуловимые ментальные установки, существующие и преобладающие в обществе. Для определения этих установок необходимо проанализировать как можно большее количество писем, которые по мере нарастания количественной массы дают все более четкую и определенную картину того, о чем и как думало советское общество 1920-х гг. Условия появления тех или иных писем в изучаемый период определяют некоторые психологические компоненты, которые являлись имманентной частью обыденного языка и, в частности, политического дискурса, который пронизывал повседневность советского гражданина.

Специфика письма как исторического источника в том, что диалог «власть–общество» осуществляется заочно. Стоит уточнить, что автор имеет в виду определенный тип писем – «письма во власть». «Условным термином “письма во власть” можно обозначить различные формы апелляции граждан к государству: письма, заявления, жалобы, предложения, доносы, проекты и т.д.» [16].

Механизм обратной связи в таком диалоге, проявляющийся посредством «писем во власть», отнюдь не совершенен с точки зрения демократических политических механизмов и институтов, тем не менее, для советского общества (и, видимо, для всей российской истории – та же традиция челобитных царю или петиционные жалобы в дореволюционную эпоху) является вполне релевантным и оправданным.

В то же время «контроль над перепиской граждан в России никогда не прерывался, а в советское время приобрел более широкие масштабы, что обычно связывается с установлением в стране тоталитарного режима, который надзирал над мыслями, делами и настроениями людей» [17], – однако рассматриваемый период НЭПа вряд ли можно назвать тоталитарным, более того, его исследование позволяет определить соотношение влияния диалога

«власть—общество» на формирование тоталитаризма в СССР, если тот вообще имел место в той форме, которую ему приписывает большая часть западной историографии – так называемая «тоталитарная школа».

Авторы «писем во власть». Авторов писем в редакцию «Рабочей газеты» можно условно разделить на две большие категории: постоянные (регулярные) и непостоянные (нерегулярные) рабочие корреспонденты (рабкоры), рядовые советские граждане. Первые являлись, насколько возможно говорить о социальных и профессиональных категориях в условиях послевоенного восстановления страны, «профессиональными» журналистами, которые описывали в своих статьях и заметках повседневную, событийную жизнь того населенного пункта, где они проживали, и получали оплату от редакции. «Авторы таких писем – лица, более склонные к рефлексии, к поиску жизненных ориентиров, эмоционально более возбудимые, чьи амбиции обычно выходят за пределы “обычных норм”, жаждущие прославиться, попасть “на заметку”» [18]. Характерной чертой для них является регулярность корреспонденции и попытки анализа информации, которую они считали заслуживающей внимания редакции и, соответственно, всей читательской аудитории советских трудящихся.

Общей чертой для авторов второй категории является их, в большинстве случаев, низкая грамотность. «Большинство авторов таких писем – обычные граждане, попавшие в сложную жизненную ситуацию, искавшие выхода из нее и обращавшиеся по этому поводу в газеты или другие инстанции» [19]. Программа ликвидации безграмотности, наложенная на общий ментальный, психологический фон желания учиться в первой стране «диктатуры пролетариата», дала многочисленные результаты. Каждый из авторов являлся обычным советским гражданином, который делился с редакцией теми мыслями и чувствами, которые являлись объектом его повседневного интереса. Некоторые авторы писали сообщения с единственной целью показать свою грамотность и принести за это благодарность «любимой советской власти».

Вообще же, как правило, авторы из второй категории обращались в редакцию газеты со своими личными новостями как положительной, так и отрицательной коннотации. В случае положительной информации рабкор старался придерживаться «высокого» стиля повествования, воспевая хвалебные «оды» советскому правительству как в совокупности (причем зачастую действительно в стихах), так и отдельным персоналиям – вождям. В случае отрицательной – авторы писем в большинстве случаев обращались с просьбой к редакции или соответствующим органам «разобраться» с «непорядками», которые, по их мнению, имели место в детально описываемой ими ситуации.

Вероятно, в данном случае главенствующую роль играли древние паттерны в диалоге «власть—общество», когда апелляция к высшей власти, как предполагалось, только-то и может «приструнить» *проворовавшегося воеводу*. Частым явлением бывала апелляция к власти как к «своей власти» – советской, народной, которая должна защищать интересы трудящихся, так ска-

зять, по умолчанию. Налицо были «наивность и инфантилизм людей в надежде с помощью одной переписки решить свои жизненные проблемы» [20].

Однако важно делать поправку на то конкретное историческое время, ведь «значительная часть корреспондентов еще не научилась приспособиваться к официальной идеологии, и, в силу наивности, бесхитростности, неумения скрывать правду и выдумывать ложь, авторы писали то, что думали и что вряд ли было по вкусу редакциям газеты» [21].

Несмотря на такую «бесхитрость» авторов, характерной чертой, присущей подавляющему большинству писем рассматриваемого периода, является наличие лозунгов, которые являлись непременным атрибутом любой общественной и зачастую частной разговорных практик.

Таким образом, несмотря на наивность, авторы понимали необходимость легитимации своего авторского мнения именно посредством приобщения к языку власти, достаточно часто начиная и чрезвычайно часто заканчивая свои письма расхожими лозунгами.

Лозунги в «письмах во власть». Петербургский историк С.В. Яров писал: «Сами массы пользовались предложенными им клише, унифицируя ими свои неотчетливые и аморфные политические представления» [22].

С высокой долей вероятности можно утверждать, что это было именно так. Тем не менее, массы не воспринимали все предложенные клише. Выявленные нами лозунги показывают, что механизм обратной связи в диалоге «власть–общество» возвращал не все призывы, «брошенные» в народ, а лишь наиболее значимые для масс.

Можно сказать, что лозунги проходили своеобразный отбор. Так, те из них, выброшенные тем или иным оратором или органом печати, «попадали» в массовый дискурс, проходили сквозь отбор и возвращались на строках писем к тем же истокам, то есть оратору (как правило, видному политическому деятелю) либо печатному органу. При этом, как показывает анализ корреспонденции в «Рабочую газету», для советских людей в середине 1920-х гг. было свойственно отождествление органов печати и институтов власти.

«Подчиненность рабочего большевизированному политическому языку, специфическое языковое “рабство”, посредством которого повседневно видоизменялась его мировоззренческая самоидентификация. Заимствованные из социалистической литературы политические термины, которыми оперировал рабочий, подчеркивали не отличие его от властей, а общность с ними» [23].

Авторы (рабочие) стремились возвращать в органы печати те лозунги и характерные выражения, которые использовали именитые ораторы и политические деятели: «Все это, пусть не сразу и не всеми, но перенималось в низах, на это откликались люди, не раз слышавшие большевиков на митингах и собраниях и привыкшие верить им – особенно там, где индивидуальное подавлялось массовым» [24].

Несмотря на то, что данная цитата относится к эпохе революции и военного коммунизма, она абсолютно правомерна и к середине 1920-х гг. При

этом отобранные лозунги и выражения имели универсальный характер, вне зависимости от информационной составляющей сообщения. Приведем примеры отрицательного информационного фона, описывающего несколько внешне-политических ситуаций того времени.

Первый. В ответ на действия немецкой полиции против торговых представительств СССР одно из рабочих собраний вынесло резолюцию, типичную для политического языка того времени: «Выступая на улице, демонстрируя нашу мощь, горячо протестуя против произвола официальной Германии, Германии Эберта Маркса и Штреземана, мы однако помним своих друзей немецких революционных рабочих и крестьян коммунистической партии, которой мы шлем братский привет с пожеланием победы в грядущей пролетарской революции в Германии» [25].

Второй пример. Собрание женщин-работниц Пульзавода в ответ на развернувшийся в Эстонии «белый» террор приняло следующее решение: «Шлем братский привет нашим дорогим товарищам и мученикам, которых не страшат виселица и пуля палачей капитала, но ведут рабочий класс всего мира под Революционное Красное Знамя Коммунистического Интернационала... Скорбим душою за преждевременную смерть ЯНА Томпа. Да здравствует Мировая Социальная Революция. Да здравствует штаб мировой революции Коммунистический Интернационал. Да здравствует Профинтерн. Долой предателей рабочего класса объединившиеся в желтый второй Интернационал. Долой буржуазный суд в Эстонии и во всем мире» [26].

Данные примеры являются хрестоматийными в сравнении с множеством подобных резолюций и обещаний в «письмах во власть». Как видно, имел место очевидный схематический шаблон подобных письменных обращений: «клеймение» врагов – духовно-революционный порыв и риторика – обещание, угроза будущей расплаты с врагами – лозунг(-и).

Исходя из самого текста подобных сообщений становится ясно, что внутрипартийная борьба оставалась «за кулисами» для рядового советского гражданина. Он использовал по инерции те шаблоны, которые были связаны с риторикой «мировой революции». Однако интересно, понимал ли советский гражданин и советские коллективы той эпохи, что подобные реляции не имели никакого влияния и даже не доходили до внешнего адресата (в данном случае германского и эстонского правительств), а по сути направлялись внутреннему адресату – советской власти, посредством печатных органов? Понимали ли они, что в действительности показывают и проявляют свою внутреннюю лояльность режиму, а не грозят «врагам»?

При положительном информационном фоне были задействованы несколько иные шаблоны:

– во-первых, «ТОЛЬКО РКП СОЗДАСТ НОВУЮ ПРОЛЕТАРСКУЮ СЕМЬЮ. Да здравствуют новые формы быта. Да здравствует РКП – руководительница и основательница новых форм быта!» [27];

– во-вторых, «КРАСНЫЙ ПАРОВОЗ ОТВОЗИТ ВЕСТОЧКУ III КОНГРЕССУ КОММУНИСТОК. Да здравствует III конгресс коммунисток. Да здравствует III Коммунистический Интернационал. ТОЛЬКО ПОД ЗНАМЕНЕМ РКП И КОМИНТЕРНА БУДЕТ РАСТИ ТРАНСПОРТНИЦА. Да здравствует женщина, активно участвующая в советском строительстве. Да здравствует РКП и III Коммунистический Интернационал!» [28];

– в-третьих, «ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ! Построенная усилиями рабочих!» [29].

Вне зависимости от информационного наполнения письма с положительной коннотации заканчивались подобными «здравницами». Схема подобного сообщения: «Х» [30] – будет развиваться, строиться, расти и т.д. – слава РКП(б) – лозунг(-и).

На наш взгляд, в подобных сообщениях большинство рабкоров знали и сознательно стремились превознести власть – «свою рабочую власть». С этим моментом сознательной поддержки и славословия «своей» власти связан интересный компонент повседневной жизни 1920-х гг. Появилось такое понятие, как «пролетарское чванство». «Постоянное внушение рабочим идеи об их авангардной роли, представления о том, что именно они являются фундаментом советского государства, способствовало возникновению среди них чувства вседозволенности, безнаказанности» [31].

Выводы

География писем – их подавляющее большинство – приходится на европейскую часть СССР (до Волги), т.е. фактически на территорию, являющуюся историческим ядром страны, – позволяет считать результаты релевантными. Проведенный анализ позволил установить, что пропаганда и агитация государственных и печатных органов СССР в середине 1920-х гг. чрезвычайно сильно влияла на большую часть советского общества. Анализ лозунгов, являющихся маркером проникновения в общественно-политическую и даже бытовую жизнь советских граждан политического языка власти, показал, что практически любой вопрос, который возникал перед советским гражданином, оказывался так или иначе политизирован.

Кроме того, поскольку лозунги, находившие живой отклик у советских трудящихся, выявлялись нами посредством анализа «писем во власть», то действительно, представилось возможным определить и осмыслить механизм работы обратной связи в диалоге «власть–общество». В результате нам удалось установить, что этот механизм глубоко противоположен по своему устройству демократической институализации в обществе так называемого «западного типа». В то же время этот механизм, оказывается, издревле являлся традиционным для российской действительности и, так сказать, привычным для народных масс, несмотря на, казалось бы, смену идеологической пара-

дигмы и политической риторики в конкретно-исторических условиях «нового» – советского – общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Анчарова М.* Письма крестьян о кооперации. М., 1924; Деревня при нэпе (Кого считать кулаком, кого тружеником). Что говорят об этом крестьяне? М., 1924; Крестьяне о Советской власти (сост. Я. Селих и И. Гриневецкий). М.–Л., 1929; др.
- [2] См., например: *Шафир Я.* Газета и деревня. М., 1924.
- [3] *Алексеева Е.А.* НЭП в современной историографии: дис. канд. ист. наук. М., 1995; НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006; *Васько А.А.* НЭП и проблема гражданского общества в России: современная историография // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2009. № 3А. С. 134–137; *Мосейкина М.Н.* Условия труда и жизни как фактор протестного движения рабочих РСФСР в годы НЭПа // Вестник РУДН. Серия «История России». 2006. № 4. С. 106–117; *Орлов И.Б.* Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы. М., 1998 и др.
- [4] *Гребениченко С.Ф.* Мелкая промышленность в условиях НЭПа: Задачи, источники, методы исследования. М., 1990.
- [5] *Романовский Н.В.* НЭП, контент-анализ и князь Кропоткин // Социологические исследования. М. 2001. № 12. С. 136–142.
- [6] *Гребениченко С.Ф.* Диктатура и промысловая Россия в 1920-е годы. М., 2000.
- [7] Подробнее см.: *Кром М. М.* Историческая антропология. СПб., 2010; *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир вообразимого. М., 2001.
- [8] *Гребениченко С.Ф.* Психология крестьянства пред волей властного Олимпа в 1920-е гг. // Власть и общество в России в первой трети XX века. М., 1994. С. 175–177.
- [9] *Миронова Т.П.* Антиколхозная агитация и слухи как форма сопротивления крестьянства в период коллективизации // Власть и общество в России в первой трети XX века. М., 1994. С. 191–192.
- [10] *Двойных А.В.* Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны: автореф. дис. канд. ист. наук. Тамбов, 2010.
- [11] *Енина Л.В.* Современные российские лозунги как сверхтекст: автореф. дис. канд. филолог. наук. Екатеринбург, 1999.
- [12] *Люттов Л.Н.* Власть и общество в годы нэпа (1922–1929) через призму настроений провинции: на материалах Симбирского-Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 2010.
- [13] *Никишина Е.А.* Речевой жанр писем читателей в газеты: на материале эмигрантских и советских газет 20-х гг. XX в.: автореф. дис. канд. филолог. наук. М., 2013.
- [14] Письма смоленских крестьян в редакцию «Крестьянской газеты»: материалы по социальной истории провинции середины 1920-х годов (сост.: М.В. Каиль, О.В. Кобец). Смоленск, 2011.
- [15] *Лившин А. Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010.
- [16] Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998. С. 5.
- [17] Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / Под общ. ред. А.К. Соколова. М., 2004. С. 357.
- [18] Там же. С. 334.

- [19] Там же.
- [20] Там же. С. 358.
- [21] Там же. С. 342.
- [22] Яров С.В. Горожанин как политик. Революция и военный коммунизм. 1917–1921 гг. СПб., 1997. С. 8.
- [23] Там же. С. 67.
- [24] Там же. С. 19.
- [25] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 610. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- [26] РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
- [27] РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.
- [28] РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 5. Л. 33.
- [29] РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.
- [30] «X» – в данном случае это любое информационное сообщение, например: о новом или расконсервированном заводе, о ходе кампании по займу, о ликвидации безграмотности и т.п.
- [31] Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 178–179.

REFERENCES

- [1] Ancharova M. *Pis'ma krest'yan o kooperatsii* [Letters of the peasants about cooperation]. Moscow, 1924; *Derevnya pri nepe. (Kogo schitat' kulakom, kogo truzhenikom). Chto govoryat ob etom krest'yane?* [The village under the NEP. (Who are the “kulak” one worker). What do they say about the peasants?] Moscow, 1924; *Krest'yane o Sovetskoy vlasti* [The peasants talks about the Soviet power]. Composed by Ya. Selikh and I. Grinevetskiy. Moscow-Leningrad, 1929 etc.
- [2] Sf. E.g.: Shafir Ya. *Gazeta i derevnya* [Newspaper and the village]. Moscow, 1924.
- [3] Alekseeva E.A. *NEP v sovremennoy istoriografii: dis. kand. ist. nauk* [NEP in modern historiography: diss. ... PhD in history]. Moscow, 1995, 214 p.; *NEP: ekonomicheskie, politicheskie i sotsiokul'turnye aspekty* [NEP: economic, political and socio-cultural aspects]. Moscow, 2006; Vas'ko A.A. NEP i problema grazhdanskogo obshchestva v Rossii: sovremennaya istoriografiya. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Proceedings of the higher educational institutions. North Caucasus region. Series: Social Sciences]. 2009, no. 3A, pp. 134–137; Moseykina M.N. Usloviya truda i zhizni kak faktor protestnogo dvizheniya rabochikh RSFSR v gody NEPA. *Vestnik RUDN. Seriya "Istoriya Rossii" – [Bulletin of PFUR. Series “Russian History”]*, 2006, no. 4, pp. 106–117; Orlov I.B. *Novaya ekonomicheskaya politika: istoriya, opyt, problemy* [The new economic policy: history, experience, problems]. Moscow, 1998; etc.
- [4] Grebenichenko S.F. *Melkaya promyshlennost' v usloviyakh NEPa: Zadachi, istochniki, metody issledovaniya* [Small-scale industry in the conditions of the New Economic Policy: Challenges, sources, metody research]. Moscow, 1990.
- [5] Romanovskiy N.V. NEP, kontent-analiz i knyaz' Kropotkin. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. Moscow, 2001, no. 12, pp. 136–142.
- [6] *Grebenichenko S.F. Diktatura i promyslovaya Rossiya v 1920-e gody* [Dictatorship and crafting Russia in the 1920s]. Moscow, 2000.

- [7] Krom M.M. *Istoricheskaya antropologiya* [Historical Anthropology]. St.-Petersburg, 2010; Le Goff Zh. *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo* [The medieval world of the imaginary]. Moscow, 2001.
- [8] Grebenichenko S.F. *Psikhologiya krest'yanstva pred voley vlastnogo Olimpa v 1920-e gg. Vlast' i obshchestvo v Rossii v pervoy treti XX veka* [Power and Society in Russia in the first third of the XX century]. Moscow, 1994, pp. 175–177.
- [9] Mironova T.P. *Antikolkhoznaya agitatsiya i slukhi kak forma soprotivleniya krest'yanstva v period kollektivizatsii. Vlast' i obshchestvo v Rossii v pervoy treti XX veka* [Power and Society in Russia in the first third of the XX century]. Moscow, 1994, pp. 191–192.
- [10] Dvoynikh A. V. *Lozungi i programma krest'yanskogo povstanchestva v Rossii v gody Grazhdanskoj vojny: avtoref. dis. kand. ist. nauk* [The slogans and the program of the peasant rebellion in Russia during the Civil War: author. of dis. ... PhD in history]. Tambov, 2010.
- [11] Enina L.V. *Sovremennye rossiyskie lozungi kak sverkhstekst: avtoref. dis. kand. filolog. nauk* [Modern Russian slogans like undertext: abstr. of dis. ... PhD in philology]. Ekaterinburg, 1999.
- [12] Lyutov L.N. *Vlast' i obshchestvo v gody nepa (1922–1929) cherez prizmu nastroeniy provintsii: na materialakh Simbirskogo-Ulyanovskogo Povolzh'ya* [Power and society in the years of the New Economic Policy (1922–1929) through the lens of the province sentiment: on materials of Simbirsk-Ulyanovsk Volga region]. Ulyanovsk, 2010.
- [13] Nikishina E.A. *Rechevoy zhanr pisem chitateley v gazety: na materiale emigrantskikh i sovetskikh gazet 20-kh gg. XX v.: avtoref. dis. kand. filolog. nauk* [Speech genre readers' letters in the newspapers on the material and the Soviet emigre newspapers 20s. XX century.: abstr. of dis. ... PhD in philology]. Moscow, 2013.
- [14] *Pis'ma smolenskikh krest'yan v redaktsiyu «Krest'yanskoy gazety»: materialy po sotsial'noy istorii provintsii serediny 1920-kh godov* [Letters to the Editor Smolensk peasants "Peasant newspaper": materials on the social history of the province of the mid-1920s]. Composed by M.V. Kail', O.V. Kobets. Smolensk, 2011.
- [15] Livshin A.Ya. *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg.* [Moods and emotions policy in Soviet Russia: 1917–1932]. M., 2010.
- [16] *Pis'ma vo vlast'. 1917–1927. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i bol'shevistskim vozhdyam* [Letters to power. 1917–1927. Applications, complaints, denunciations, letters to government agencies and the Bolshevik leaders]. Composed by A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. Moscow, 1998, p. 5.
- [17] *Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika* [Chronology of recent Russian history: the theory, methodology, practice]. Ed. by A.K. Sokolova. Moscow, 2004, p. 357.
- [18] Ibid., p. 334.
- [19] Ibid.
- [20] Ibid., p. 358.
- [21] Ibid., p. 342.
- [22] Yarov S.V. *Gorozhanin kak politik. Revolyutsiya i voennyj kommunizm 1917–1921 gg.* [Citizen as a politician. Revolution and War Communism. Of 1917–1921]. St.-Petersburg, 1997. p. 8.
- [23] Ibid., p. 67.
- [24] Ibid., p. 19.
- [25] *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian state archive of social-policy history (RGASPI)], f. 610, op.1, d. 1, l. 4.

- [26] Ibid., l. 22.
[27] Ibid., d. 5, l. 32.
[28] *ibid.*, l. 33.
[29] Ibid., d. 26, l. 7.
[30] "X" – in this case, any information message, for example: new or reactivated the refinery, on the progress of the campaign on loan on the eradication of illiteracy, etc.
[31] *Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobytyakh 1918–1932 gg.* [The voice of the people. Letters and responses of ordinary Soviet citizens about the events of 1918–1932]. Ed. by A.K. Sokolov. Moscow, 1997, pp. 178–179.

**SLOGANS IN POLITICAL LANGUAGE OF EARLY SOVIET SOCIETY
(FROM LETTERS TO «RABOCHAYA GAZETA» EDITORIAL OFFICE
IN 1924–1925)**

V.I. Kim

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay St., 10–2, Moscow, Russia, 117198

This article deals with the penetration of political slogans into the masses of the Soviet people due to the governmental and press propaganda and agitation in the conditions of the NEP. This issue analysis helps to understand people's reaction to the new linguistic constants and changes that the government offered them. Thus, the author managed to trace the feedback mechanism in the dialogue between "authorities and society". The analysis enables to state that the government's and press bodies' propaganda and agitation in the Soviet Union in the middle of the 1920s had a very big influence on the biggest part of the Soviet society. The analysis of the slogans showing the extent of the penetration of the political language into the socio-political and even everyday life demonstrates that almost every question that a Soviet citizen faced was politicized one way or another. The author concludes that the mechanism is deeply opposite to the democratic institutionalization of the so-called European type of society. At the same time this mechanism was traditional for Soviet people despite the change of the ideological paradigm and political rhetoric in the specific historical conditions of the "new" Soviet society.

Key words: power, society, NEP, "letters to the authorities", slogans, socialism, world revolution, proletariat.